
Алексей Ламмерт
НЕ ОТКРЫВАЙ,
ЕСЛИ Я ВЕРНУСЬ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Алексей Ламмерт

Не открывай, если я вернусь

https://litres.ru/74467149
SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть дней назад Маша написала мужу: «Кажется, меня укусили. Не приезжай. Не открывай, если я вернусь».

Теперь она стоит за дверью. У неё тот же голос, те же привычки, те же воспоминания — даже те, о которых не мог знать никто посторонний.

Власти утверждают: заражённые лишь воспроизводят память прежней личности. Самого человека внутри больше нет.

Андрей не знает, кому верить. Если открыть дверь — он может впустить в дом то, что только притворяется Машей. Если не открыть — оставить снаружи женщину, которую любит.

Но чем больше заражённых возвращаются к своим близким, тем страшнее становится главный вопрос: что именно делает человека человеком — тело, память, любовь или выбор?

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	62
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Алексей Ламмерт
Не открывай, если я вернусь

От автора

Эта история началась для меня не с эпидемии.

Она началась с двери.

С простой и довольно страшной мысли: что, если однажды за ней окажется человек, которого ты любишь? С тем же голосом, теми же воспоминаниями, привычками, шутками. Человек будет помнить вашу жизнь, узнавать тебя и говорить, что всё ещё остаётся собой. Но весь мир будет утверждать обратное.

Кому тогда верить?

Мне хотелось написать историю, в которой на этот вопрос не существует удобного ответа. Где осторожность не обязательно означает трусость, любовь не делает любое решение правильным, а память сама по себе ещё ничего не доказывает.

Поэтому для меня «Не открывай, если я вернусь» — не столько история о заражении, сколько история о людях. О доверии. О страхе потерять близкого ещё до того, как он действительно исчез. О вине за слова, которые уже нельзя забрать обратно. О выборе, который иногда приходится делать раньше, чем появляются доказательства.

И ещё — об умении слышать.

Не просто слушать слова другого человека, а действитель-

но слышать его. Наверное, иногда это оказывается сложнее, чем пережить конец привычного мира.

Я не хотел делить героев этой книги на правых и неправых. Каждый из них боится чего—то своего, защищает кого-то своего и принимает решения, последствия которых заранее знать невозможно.

Поэтому, если после последней страницы у вас останется больше вопросов, чем уверенных ответов, — значит, эта история сделала именно то, что должна была.

Спасибо, что открыли эту дверь.

Алексей Ламмерт.

Глава 1

В дверь постучали в два семнадцать ночи. Три раза. Не громко, не так, как стучат, когда за спиной пожар или кто-то ломится следом. Просто три ровных удара с небольшими паузами между ними. Андрей перестал жевать. За окном темнели мёртвые окна соседнего дома. Свет оставался в нескольких квартирах да в аптеке через дорогу, где вывеска уже шестой день мигала одним и тем же красным обрубком: «ТЕКА». Где-то далеко, за кварталами, коротко прострочил автомат, а потом снова стало тихо. Андрей медленно положил бутерброд на тарелку. Три удара повторились. Он не двинулся с места.

После девяти по подъезду старались вообще не ходить. Главный вход жильцы закрыли ещё в первый же день, как только стало ясно, что беспорядки не закончатся к вечеру. От домофона не было никакого толку: панель ещё мигала и временами даже принимала вызовы, но электромагнитного замка на двери больше не было. Кто его снял или выломал, никто не знал. А коли сам магнит исчез, наружную дверь пришлось запирать вручную.

Она была металлической, двустворчатой, с большими стеклянными вставками. Изнутри ручки обеих створок стянули толстой цепью, а саму цепь закрепили за металличе-

скую стойку перил внутри тамбура. Внутреннюю дверь подпёрли тяжёлым шкафом из бывшей консьержной и старым письменным столом. За следующие дни конструкцию ещё несколько раз усиливали. Вчера Андрей всё проверял. Цепь натянута. Стекло целое. Шкаф не сдвинут. Оставался наружный технический выход со двора в подвал. Его Андрей лично запер вечером. Значит, за дверью квартиры мог быть только кто-то из жильцов. Он уже потянулся к телефону, когда с площадки произнесли:

— Андрей?

Рука Андрея остановилась над столом. Где-то далеко снова выстрелили, но на этот раз он почти не услышал.

— Андрей, — повторил голос чуть тише, будто человек за дверью прислушивался в ответ.

Он знал его. Не просто помнил — знал каждую интонацию: как она тянула последнюю гласную, когда злилась, как становилась чуть тише, когда боялась, как начинала говорить быстрее, если пыталась доказать что-то очевидное только ей одной. Андрей встал. Стул скрипнул по линолеуму так громко, что он вздрогнул. За дверью замолчали. Он посмотрел на телефон. Экран загорелся, открывая переписку, которую он не удалял и не закрывал последние шесть дней. 23:41.

«Кажется, меня укусили».

Следом пришло: «Не приезжай».

И последнее: «Не открывай, если я вернусь».

Ниже висели три вызова от Маши. Андрей сразу заблоки-

ровал экран.

— Андрюш? — позвала она снова. Теперь в голосе было меньше осторожности и больше того знакомого нетерпения, которое он помнил слишком хорошо.

Нож лежал в верхнем кухонном ящике. Андрей выдвинул его слишком резко. Ложки звякнули друг о друга. Он достал самый большой нож и пошёл в прихожую. Дверь квартиры открывалась внутрь, поэтому он придвинул к ней комод. Мебель из прессованных опилок никого всерьёз не остановит, но может дать несколько дополнительных секунд. Теперь Андрей обошёл комод и замер примерно в метре от двери. На стене висело их свадебное фото. Ещё в первый день он перевернул рамку лицом к стене.

— Кто там? — спросил Андрей. Голос прозвучал суше, чем он хотел.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом за дверью тихо рассмеялись. Не весело — скорее с облегчением.

— Ну наконец-то, — сказала она, и в этих двух словах было столько привычного раздражения, что у Андрея пересохло во рту.

Он приблизился к глазку. Лампа на площадке второй день едва тлела. Света от неё было как от козла молока. Через мутное стекло просматривалась только тёмная фигура у противоположной стены. Человек сидел на полу, подтянув колени к груди.

— Назови себя, — сказал Андрей, не отводя глаза от мут-

ного глазка.

— Ты серьёзно? — В её голосе мелькнуло знакомое раздражение, настолько привычное, что на мгновение стало не по себе.

— Назови, — повторил он и сильнее сжал рукоять ножа.

За дверью послышался вздох.

— Маша.

— Фамилия, — продолжил Андрей, стараясь не торопить её и одновременно ненавидя каждую секунду ожидания.

— Левина, — ответила Маша без паузы.

— Девичья.

— Белова.

И снова слишком быстро. Андрей поймал себя на том, что именно эта готовность пугает сильнее самих ответов.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

За дверью зашуршала одежда. Похоже, Маша устроилась удобнее у стены.

— Домой пришла.

Андрей едва не усмехнулся, но не получилось.

— Маша мертва, — сказал он.

После этих слов тишина стала плотнее. Андрей пожалел о сказанном сразу же, хотя сам не понимал почему.

— Возможно, — ответила она наконец.

Он нахмурился. Ожидал крика, просьб, попыток убедить его — чего угодно, только не спокойного «возможно».

— Что значит «возможно»? — Андрей посмотрел в гла-

зок ещё пристальнее и нахмурился так, словно точная формулировка могла заставить происходящее стать ещё понятнее.

— Я не знаю, какой ответ тебя устроит, — ответила Маша. Ни обиды, ни злости в её голосе не слышалось. Просто усталость.

— Правильный.

— Тогда у нас проблема.

Он сам не заметил, как опустил нож чуть ниже.

— Какая?

— Ты последние десять лет не признавал правильными ответы, которые тебе не нравились.

Андрей замер. Она говорила ему почти то же самое прошлой зимой, на кухне, во время совершенно идиотской ссоры из-за поездки к её матери. Он вдруг очень ясно вспомнил, как она стояла возле холодильника, прижав ладони к столешнице, а он доказывал ей что-то там про деньги, хотя разговор был вообще не о них. Он заставил себя посмотреть на нож. Остаточная память. По аварийным каналам об этом повторяли каждый день: заражённые способны помнить имена, места, близких, привычки. Могут говорить. Могут вести себя почти как прежде. Сука, что же делать?

— Андрей, — позвала Маша.

Он ответил не сразу.

— Что?

— Ты опять босиком, да? — В голос вернулась почти до-

машняя насмешка. Такая уютная, добрая, обволакивающая своим теплом.

Андрей машинально посмотрел вниз и тут же разозлился на себя за этот жест.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты ночью всегда ходишь босиком.

— Не всегда.

— Всегда.

— Нет.

— Андрюш, я десять лет прожила с человеком, который тапки считает личным оскорблением. Не начинай, — сказала она тем самым тоном, которым раньше закрывала бессмысленные споры ещё до того, как он успевал разогнаться.

Несмотря на всё происходящее, он почти улыбнулся. Почти. Из двора внезапно донёсся треск усилителя. Андрей повернул голову к окну. На фонарном столбе возле соседнего дома был закреплён громкоговоритель, из которого вещала карантинная служба. Обычно он включался раз в несколько часов, и жители уже научились не реагировать на первые секунды шипения. На этот раз металлический женский голос прорезал ночную тишину особенно отчётливо:

— Внимание. Жителям карантинного сектора предписывается оставаться внутри жилых помещений. Не приближайтесь к инфицированным и не допускайте непосредственного контакта с биологическими жидкостями.

Андрей снова посмотрел на дверь.

— Инфицированные на поздних стадиях способны воспроизводить автобиографические воспоминания, речевые навыки и привычные поведенческие реакции носителя. Данные проявления обусловлены сохранением нейронных паттернов и не свидетельствуют о сохранении личности.

За дверью Маша перестала двигаться. Даже шорох одежды исчез.

— Прежняя личность на поздних стадиях заражения считается необратимо утраченной. При появлении инфицированного возле жилого здания не покидайте помещение. Не пытайтесь установить продолжительный контакт. Не открывайте входные двери.

Громкоговоритель замолчал. Где-то во дворе залаяла собака. Один раз, второй, а потом тоже затихла. Андрей продолжал смотреть в мутный глазок на тёмную фигуру напротив.

— Андрей, — сказала Маша после паузы.

— Что? — Он не отходил от двери.

За дверью повисла короткая пауза.

— Они врут. — На этот раз в её голосе не было ни иронии, ни страха. Только уверенность.

Глава 2

К семи утра Маши за дверью уже не было. Андрей понял это не сразу. Он так и не лёг. После её последних слов просидел в прихожей почти час, прислонившись спиной к стене и держа нож на коленях. В горле будто бы застрял морской ёж. Сначала ждал, что она заговорит снова. Потом — что постучит. Несколько раз ему казалось, будто с площадки доносится движение, но каждый раз это оказывались трубы или сквозняк. Около четырёх он всё-таки спросил:

— Ты ещё там? — Голос прозвучал глухо. Андрей сам услышал в нём то, чего не хотел слышать: надежду.

Ответа не было. Он ещё немного посидел, глядя на дверь, пока одна мысль не заставила его выпрямиться.

«Так, стоп! А как она вообще попала в подъезд?»

Сонливость моментально исчезла. Главный вход был перекрыт ещё с первого дня. Вчера вечером Андрей сам проверил цепь и внутреннюю баррикаду. Оставался наружный технический выход во двор. Его он тоже запирал. Андрей почти сразу поднялся, но через секунду остановился. Спускаться в четыре утра в подвал после того, как у его квартиры только что сидела заражённая… Маша, было настолько хреновой идеей, что даже измученный бессонницей мозг признал это без обсуждения. Проверить решил утром.

Серый свет уже просачивался через окна. Пятиэтажки вокруг казались одинаково вымершими, но Андрей знал, что за многими тёмными окнами всё ещё сидели люди. Просто теперь никто без причины не подходил к стеклу. На перекрёстке стоял брошенный автобус с распахнутыми дверями. У газетного киоска лежала перевёрнутая урна, вокруг которой ветер гонял рекламные листовки. Андрей поставил чайник на кухонную плиту и только тогда заметил, что нож всё ещё у него в руке.

— Прекрасно, — пробормотал он и положил нож на стол.

Телефон лежал рядом экраном вниз. Не трогал. Снизу трижды ударили по батарее. Сигнал общего сбора. Андрей прикрыл глаза и потёр лицо ладонями.

— Блять.

Он сунул ноги в тапки, оттащил комод и вышел. На площадке было пусто. На полу возле противоположной стены остался слабый грязный след. Не кровь — скорее засохшая уличная грязь, размазанная подошвой. Там Маша просидела неизвестно сколько. Андрей посмотрел на лестницу. Потом пошёл вниз. Дом был старый, пятиэтажный, по четыре квартиры на этаже. До эпидемии здесь жило человек пятьдесят. Сейчас оставалось семнадцать. Кто-то уехал ещё до закрытия района, нескольких человек успели вывезти в первые дни, кто-то просто не вернулся домой. Где находились остальные, никто уже толком не знал. Но дом не был пустым. На четвёртом этаже за дверью кашлял Виктор Михай-

лович. Со второго доносились голоса Соколовых. Где-то наверху плакал ребёнок. Из одной квартиры тянуло подгоревшей кашей.

Обычная жизнь всё ещё цеплялась за дом, просто теперь старалась делать это потише. На первом этаже всё оказалось на месте. Толстая цепь стягивала изнутри ручки обеих створок и была дважды обёрнута вокруг стойки перил. Замок висел правильно. В тамбуре шкаф упирался во внутреннюю дверь, стол стоял боком между стеной и шкафом. Андрей проверил цепь. Не тронута. Стекло целое. На месте бывшего домофонного магнита оставались только отверстия в металле и два обрезанных провода. Через этот вход Маша пройти не могла. Дверь с лестницы в подвал была прикрыта, как обычно. Запирали не её, а наружный технический выход во двор. Андрей спустился ниже. Тот был заперт. Он подёргал навесной замок, осмотрел петли, косяк и бетон возле порога. Ничего.

— И как ты, мать твою, вошла? — спросил он у пустого коридора.

Тишина, конечно, не ответила. Он посветил фонариком по стенам. Луч скользнул по трубам, старой побелке и остановился на небольшом подвальном окне под самым потолком. Около полуметра в высоту, сантиметров семьдесят в ширину. Стекло мутное от многолетней грязи. Снаружи стояла старая металлическая решётка. Андрей подтащил деревянный ящик, встал на него и осмотрел раму. В правом ниж-

нем углу кладка вокруг крепления была покрыта ржавыми потёками и мелкими трещинами, но сама решётка выглядела неподвижной. Андрей взялся за два нижних прута и потянул на себя. Ничего. Подёргал сильнее. Решётка не шелохнулась.

— Показалось, — сказал Андрей, хотя сам себе не поверил.

Он спрыгнул с ящика и поднялся наверх. Общий пункт жильцы устроили в пустующей трёхкомнатной квартире на третьем этаже. Хозяева уехали к дочери ещё до эпидемии, а запасной ключ хранился у соседки. Когда Андрей вошёл, там уже находилось двенадцать человек. Остальные пятеро не пришли: Виктор Михайлович почти не вставал из-за повреждённой ноги, Нина Павловна оставалась с ним, а Мельниковы не хотели тащить маленького ребёнка на каждое собрание.

В прихожей стояли канистры. В комнате вдоль стены сложили крупы, макароны, тушёнку, рыбные консервы, картошку, аптечки и батарейки. Это были только общие запасы — большая часть еды и воды всё ещё оставалась в квартирах. Сергей стоял возле стола с блокнотом.

— У меня двадцать литров, — раздражённо говорила Оксана со второго этажа. Она стояла, скрестив руки на груди, будто Сергей уже собирался эти литры у неё отнять. — Я их сама таскала из магазина. Они у меня дома и там останутся.

Сергей не спорил. Только записал число.

— Никто не забирает. Мне надо знать общий объём на

случай, если вода совсем пропадёт.

— Так и пишите: двадцать.

— Уже написал, — сухо ответил Сергей и даже не поднял головы.

На столе лежал лист с цифрами. Андрей мельком посмотрел. В общем резерве оставалось около ста восьмидесяти литров питьевой воды. Ещё примерно сто двадцать жильцы заявили как личные запасы. Водопровод пока тоже не умер окончательно: несколько раз в сутки вода возвращалась тонкой струёй, и тогда в доме начинали одновременно наполнять кастрюли, бутылки и вёдра. Технической воды было гораздо больше. В первые дни жильцы успели наполнить ванны и всё, что могло держать воду. По еде Сергей считал осторожно: общего фонда — примерно на неделю, вместе с тем, что люди держали дома, — дней на двенадцать-пятнадцать при строгой экономии. Запас не бесконечный. Но голодать сегодня никто не собирался.

— Андрей, — позвал Сергей, наконец оторвавшись от блокнота. — Щиток потом глянешь? Вчера после скачка в пустой квартире на четвёртом опять автомат выбило.

— Гляну.

На подоконнике сидел Роман с пятого этажа и курил в форточку.

— А если электричество совсем ёбнется? — просил он, стряхивая пепел в пустую банку.

— Будешь курить в темноте, — сказал Андрей.

Роман серьёзно кивнул, будто получил исчерпывающую инструкцию.

— Лишь бы не запретили.

У кого-то в комнате вырвался короткий смешок и сразу стих.

Галина Петровна сидела возле книжного шкафа с металлической кружкой в руках. Рядом расположилась Елена. Алиса спала, положив голову матери на колени, и даже во сне сжимала зелёный фломастер. Соколовы тихо спорили у стены. Илья сидел на полу у розетки, согнувшись над ноутбуком. Андрей остановился рядом.

— Есть что-нибудь?

Илья поднял палец, дождался, пока на экране прогрузится строка текста, и только потом ответил:

— Восточный мост предварительно открывают завтра с девяти. Если ночью опять ничего не поменяют.

Несколько человек сразу повернули головы.

— Для машин? — спросила Оксана, уже забыв про свои двадцать литров.

— Нет. Пеший коридор. Сначала кварталы ближе к реке, потом обещают наш.

— «Обещают» — ключевое слово.

— Другого пока нет. — Илья пожал плечами.

— А север?

— Снова закрыт.

По комнате прошёл тихий гул. Для большинства это была

первая нормальная новость за несколько дней. Сергей подождал, пока люди закончат переговариваться, и хлопнул блокнотом по ладони.

— Давайте минут десять нормально посидим, потом разойдёмся.

Люди постепенно замолчали.

Больших опасений из-за самого собрания уже не было. По официальным данным, воздушный путь передачи инфекции не подтверждался; заражение связывали с попаданием крови или слюны в повреждённую кожу и со слизистыми. Поэтому после первых двух дней люди перестали сидеть каждый по своей квартире как в герметичной коробке. Но осторожность осталась. Просто приобрела более понятные границы. Сергей оглядел комнату.

— Нас семнадцать. Все, кто был в доме вечером, сейчас на месте. По воде пока нормально. Если сеть не восстановится, дней шесть-семь протянем точно, дольше — если продолжим собирать то, что идёт из крана. С едой лучше. Электричество вчера пропадало дважды, поэтому телефоны и пауэрбанки заряжаем при первой возможности.

Оксана подняла голову.

— Муж мой по-прежнему не вернулся.

Сергей замолчал. Блокнот в его руке опустился чуть ниже.

— Я помню.

— Каждый день говорите «все на месте».

— Я имею в виду тех, кто ночевал здесь, — сказал Сергей

уже мягче.

Она отвела взгляд, а Сергей подождал секунду и продолжил:

— Теперь другое. Кто-нибудь ночью видел кого-то во дворе? Возле входа, под окнами?

Андрей почувствовал, как напряглись плечи. Он заставил себя не менять позу.

— Женский голос слышала около трёх, — первой сказала Оксана.

Андрей посмотрел на неё слишком быстро и тут же пожалел об этом.

— Что говорила?

— Не знаю. Из кухни слышно было. К окну я не подходила.

— Близко?

Оксана бросила на него короткий взгляд.

— Понятия не имею.

Роман перестал крутить в пальцах зажигалку.

— Я видел двоих около мусорки где-то после полуночи. Стояли минут десять, потом ушли.

— К подъезду подходили? — спросил Сергей.

— Нет.

Сергей сделал пометку.

— Если увидите знакомого возле дома или кто-то начнёт стучать во входную дверь, баррикаду самостоятельно не разбираем. Сначала зовём остальных.

Галина поставила кружку на колено.

— А если это кто-то из наших?

— Тогда тем более сначала надо понять, в каком он состоянии.

— И как мы поймём?

Сергей развёл руками. Впервые за всё собрание в этом жесте было не раздражение, а честное бессилие.

— Не знаю. Через стекло поговорим. Из окна. Но открывать сразу не будем.

Илья поднял голову от ноутбука.

— Они уже возвращаются к своим.

Сергей медленно повернулся к нему.

— Только не начинай.

— Да что «не начинай»? — Илья выпрямился и развернул ноутбук к остальным. — Я тебе вчера показывал.

На остановленном видео был тёмный двор. Перед подъездной дверью стояла женщина в больничной рубашке.

— Южный сектор, вчера ночью. Видео снимала дочь с четвёртого этажа. Женщина простояла там почти три часа. Называла дочь по имени, рассказывала какие-то семейные вещи.

Галина наклонилась ближе.

— Просила открыть?

— Да.

Оксана обхватила себя руками.

— Закрой.

Сергей подошёл и опустил крышку ноутбука. Илья едва успел убрать пальцы.

— Ты охренел? — Он дёрнул руки к себе и уставился на Сергея.

— Хватит.

— Я даже видео не включил.

— Мне одного кадра хватает, — сказал Сергей. Голос у него стал тише, и от этого прозвучал жёстче.

Роман щёлкнул зажигалкой и погасил пламя.

— А если это реально её мать?

Сергей повернулся к нему.

— Тогда ей ещё тяжелее будет не открыть.

— Я не это спросил.

— А что?

Роман убрал зажигалку в карман.

— Если там всё ещё её мать?

Несколько человек посмотрели на Сергея. Тот не ответил сразу. Андрей заметил, как у него напряглась челюсть.

— Мы этого не знаем.

Галина медленно кивнула.

— Если человек помнит ребёнка, говорит как раньше, знает свою жизнь — откуда они знают, что там уже не он?

— Не знаю, — сказал Сергей.

Андрей ожидал чего угодно, но не этого. Сергей опёрся ладонью о стол.

— Но официальная версия такая: память остаётся. Пове-

дение может оставаться. Человек — нет.

— Очень удобная версия, — заметил Илья.

Сергей повернулся к нему.

— У тебя есть другая?

— У меня пока есть вопросы.

— Вопросами цепь обратно не повесишь, если её уже снял.

Илья помолчал. Провёл пальцем по краю ноутбука и выдохнул через нос.

— Хотите официальное?

Сергей кивнул.

— Давай.

Илья включил сохранённую запись. После шипения зазвучал мужской голос:

— Инфицированные на поздних стадиях способны воспроизводить автобиографическую память, речевые навыки и характерные поведенческие реакции носителя. Данные проявления являются следствием сохранённых нейронных паттернов и не свидетельствуют о сохранении личности. На поздних стадиях заражения прежняя личность считается необратимо утраченной.

Запись закончилась.

— Хорошо завернули, — сказала Галина, нахмурившись.

— В переводе… — Сергей посмотрел прямо на неё. — Если Денис придёт и назовёт вас мамой, одного этого недостаточно, чтобы снять цепь.

Галина медленно повернула голову. Сергей осёкся — по лицу было видно, что он и сам понял: сказал лишнее.

— Я просто пример.

— Моего сына в пример не берите, — ответила Галина. Сказала негромко, но в комнате сразу стало тише.

— Хорошо.

Сергей отвёл взгляд.

Андрей стоял возле дверного косяка. Остаточная память. Фамилия. Девичья фамилия. Поездка к матери. Его спина. Даже её шутки можно было назвать сохранённым поведением. Ничего из вчерашнего разговора не доказывало, что за дверью действительно была Маша. И всё-таки он помнил, как она сказала:

«Ты опять босиком, да?»

Не увидела. Просто знала его достаточно хорошо, чтобы угадать. Но разве инфекция, сохранившая всю её память, не смогла бы угадать то же самое?

— У меня ещё кое-что есть, — сказал Илья.

Сергей прикрыл глаза, словно уже заранее устал от того, что сейчас увидит.

— Конечно.

— Не бухти.

На экране появилось повреждённое видео. Белая комната. За металлическим столом сидел мужчина с закреплёнными ремнями запястьями. За кадром спросили:

— Назовите ваше имя.

Ответ утонул в помехах.

— Где вы родились?

Снова провал. Мужчина раздражённо повернул голову.

— Я отвечал на это четыре раза.

Изображение рассыпалось квадратами. Кто-то за камерой произнёс:

— Реакция соответствует исходному…

Запись оборвалась.

— Ну и? — спросила Оксана. Она смотрела на чёрный экран так, будто ждала продолжения.

Илья развёл руками.

— Всё, что успел сохранить.

— Очень убедительно, — сказал Сергей.

— Полная версия была. Я видел ссылку. Её сняли минут через семь.

— Или автор удалил фальшивку.

— Может быть, — неожиданно спокойно ответил Илья.

— Только сообщение было не «файл удалён пользователем», — продолжил он. — Его ограничили по требованию регулятора.

Сергей потёр переносицу.

— И что это доказывает?

— Пока ничего.

— Тогда зачем показываешь?

— Потому что хочу найти полную запись.

— Ребята, — тихо сказала Елена.

Никто не услышал.

— Ребята.

Все обернулись.

Алиса больше не спала. Девочка лежала у матери на коленях с открытыми глазами. Елена выругалась себе под нос.

— Давно проснулась?

— Когда дядя Илья сказал «охренел».

Илья виновато поморщился.

— Прости.

— Я это слово знаю.

Роман отвернулся к окну, пряча улыбку.

— Алиса, — устало сказала Елена.

Девочка немного подумала.

— А если папа придёт?

В комнате стало тихо. Елена перестала гладить её по волосам.

— Если он тоже такой, — добавила Алиса.

Мать сглотнула. Пальцы всё ещё лежали в волосах дочери, но больше не двигались.

— Тогда сначала поговорим.

Сергей поднял голову.

— Через дверь.

Елена посмотрела на него.

— Я и не собиралась сразу открывать.

— Просто говорю заранее.

— А я заранее говорю: разговаривать со своим мужем мне

никто не запретит.

Сергей помолчал. Потом коротко кивнул.

— Разговаривать — ваше дело. Снимать общую баррикаду — уже нет. Здесь семнадцать человек.

— С этим я не спорю.

Напряжение немного отпустило. Галина снова подняла кружку.

— А всё-таки странно.

— Что? — спросил Илья.

— «Ранее знакомый заражённый». Они прямо отдельно это пишут.

Илья кивнул.

— Потому что заметили, что те идут к своим.

Сергей сложил руки на груди.

— Или потому что знакомых проще использовать.

— Опять «использовать». — Илья поморщился.

— А как ещё назвать ситуацию, когда кто-то приходит к твоему дому, знает имя твоего ребёнка и просит открыть?

Илья провёл большим пальцем по трещине на корпусе ноутбука.

— Возвращением домой.

— Может быть, — неожиданно согласился Сергей.

На этот раз Илья даже поднял брови.

— Но пока мы этого не выяснили, — он продолжил, — цепь остаётся на месте.

Спорить никто не стал.

Андрей почувствовал телефон в кармане. Сейчас стоило сказать. Маша приходила. Она разговаривала. И каким-то образом оказалась внутри подъезда, несмотря на обе запертые двери. Он уже открыл рот, когда Галина повернулась к нему:

— Андрей, а к тебе точно никто не приходил?

Несколько человек посмотрели в его сторону. Андрей вспомнил грязный след напротив квартиры. Навесной замок в подвале. Маленькое окно под потолком.

— Точно, — сказал он. Слово вышло слишком быстро. Андрей почувствовал это сразу.

На этот раз ложь далась тяжелее.

Глава 3

Второй раз Маша пришла в два двадцать три. Андрей в это время сидел на кухне с выключенным светом и уже минут сорок делал вид, что не ждёт. Он проверял телефон каждые несколько минут, открывал холодильник без всякой причины, дважды подходил к окну. Около полуночи во двор въехала машина карантинной службы, медленно прошла между домами и скрылась за углом. После этого снова стало тихо. В два семнадцать Андрей посмотрел на телефон. Потом ещё раз в два двадцать. В два двадцать две сказал себе, что идёт спать. Через минуту раздались три удара. Он замер посреди коридора. Та же пауза. Ещё три.

— Андрюш? — позвала Маша из-за двери.

На этот раз за ножом Андрей не пошёл. Он заметил это только тогда, когда уже стоял возле комода.

— Ты опоздала.

Несколько секунд за дверью молчали.

— Что?

Андрей посмотрел на экран телефона, хотя время и так знал.

— На шесть минут.

За дверью тихо засмеялись.

— Ты меня ждал?

— Нет.

— Конечно, — сказала Маша тем тоном, который за десять лет научился означать: да-да, можешь врать дальше, если тебе так спокойнее.

Он опёрся ладонью о край комода.

— Как ты вошла?

Шутливость из её голоса исчезла.

— Через подвал.

— Дверь была заперта.

— Я знаю.

— Тогда как?

Послышался шорох. Маша, похоже, снова села напротив двери.

— Там есть окно.

Андрей сразу вспомнил мутное стекло под потолком.

— Там решётка.

— Правый нижний угол рамы почти не держится.

— Я её дёргал.

— За прутья?

Андрей промолчал.

— Не прут тяни, — продолжила Маша. — Возьмись за нижний угол и отведи вправо. Крепление из стены и выйдет.

Он нахмурился.

— Ты пролезла через неё?

— Да.

— Два раза?

— Пока два.

— И ты считаешь это нормальным?

— Нет. У меня вся спина теперь считает, что это пиздец какая плохая идея.

Андрей всё-таки усмехнулся.

— Хоть в чём-то мы согласны.

Несколько секунд они молчали. Ответ нашёлся, но почему-то легче от этого не стало. Если Маша смогла пролезть через окно, значит, сможет кто-нибудь ещё. Завтра он должен будет закрыть решётку. Мысль пришла сразу. За ней — другая. Если закроет, она больше не попадёт внутрь. Андрей поморщился и пока отодвинул решение.

— Вчера ты сказала, что они врут.

— Да.

— Насчёт личности.

— Да.

— Откуда ты знаешь?

На этот раз Маша ответила не сразу.

— Потому что я здесь.

Андрей сжал губы.

— Это не доказательство.

— Для тебя — нет.

— Для кого тогда?

— Для меня.

Он приблизился к глазку. На площадке по-прежнему было темно, но теперь он различал её чуть лучше. Маша сидела

у стены, положив руки на колени.

— Если всё, что ты помнишь, осталось от Маши в заражённом мозге, — сказал Андрей, — ты сама можешь быть уверена, что ты Маша. Это всё равно ничего не доказывает.

— Знаю.

— Тебя это вообще не пугает?

За дверью стало тихо.

— Пугает, — сказала Маша.

Иронии в её голосе не осталось. Андрей опустил взгляд.

— Где ты была эти шесть дней?

Маша немного пошевелилась.

— Не могла прийти раньше.

— Почему?

— Меня забрали после укуса.

— Куда?

— В карантинный пункт.

Он сильнее сжал край комода.

— Где?

— Андрей, не сейчас.

— Шесть дней тебя не было.

— Я знаю, сколько меня не было.

— Я думал, ты умерла.

Пауза оказалась совсем короткой.

— Я тоже так думала.

Андрей замолчал. За дверью Маша медленно выдохнула.

— Меня привезли туда ещё в первую ночь. Потом… всё

стало очень хреново. Я расскажу. Просто не сегодня.

— Почему?

Она не ответила сразу.

— Потому что я пока сама не всё понимаю.

Это Андрей принял неохотно, но давить не стал. Вместо этого сел на пол по другую сторону двери.

— Хорошо. Давай по-другому.

— Как?

— Я хочу проверить тебя.

— Господи.

— Не начинай.

— Ты вчера спрашивал мою девичью фамилию.

— Сегодня вопросы будут сложнее.

— Звучит угрожающе.

Андрей задумался. Нужно было что-то бессмысленное для всех остальных. Не дата свадьбы, не адрес первой квартиры, не имя её матери — всё это можно найти в документах, переписках, телефоне. Он вспомнил.

— Зелёная кружка.

За дверью повисла пауза.

— Какая именно?

— Та самая.

— У нас было две.

— Не беси меня.

Маша тихо рассмеялась.

— Ты её разбил.

— Как?

— Сказал, что она сама упала.

— Она сама упала.

— Андрей, кружки сами не падают со второй полки.

— Эта была особенная.

— Ты полез ночью за печеньем, задел её локтем, потом склеил суперклеем и поставил обратно.

Андрей опустил глаза.

— Я ничего не склеивал.

— Конечно.

— Не склеивал.

— Поэтому утром я взяла кружку за ручку, ручка осталась у меня в пальцах, а кружка — на столе.

— Это ничего не доказывает.

— Ты ещё и приклеил ручку вверх ногами.

Андрей не выдержал и хмыкнул. Это произошло семь лет назад. Они тогда жили в съёмной однушке. Маша смеялась минут десять, а потом ещё неделю демонстративно спрашивала разрешения, прежде чем брать в руки любую посуду.

— Ещё, — сказал он.

— Давай.

Он спрашивал. Про гостиницу в Ярославле, где ночью в соседнем номере кто-то так громко занимался сексом, что Маша в конце концов постучала в стену и крикнула: «Девушка, не верьте ему, он притворяется». Про кота, которого они подобрали возле магазина, два часа считали бездом-

ным, а потом обнаружили хозяйку из соседнего подъезда. Про первое свидание, на которое Андрей пришёл на сорок минут раньше, но потом соврал, что просто оказался рядом. Маша отвечала. Иногда сразу. Иногда задумывалась. Один раз перепутала название кафе, выругалась и через секунду сама себя поправила. Через какое-то время Андрей понял, что перестал проверять ответы. Он просто слушал. Это разозлило его больше всего.

— Хорошо, — сказал он.

— Что «хорошо»?

— Ты всё помнишь.

— Поздравляю.

— Но официально именно это они и предупреждают. Ты можешь помнить абсолютно всё и всё равно…

Он не закончил.

— Не быть мной?

Андрей помолчал.

— Да.

Теперь уже замолчала Маша.

— А как ты поймёшь?

Он нахмурился.

— Что?

— Где проходит граница. Вот я помню нашу жизнь. Помню, как познакомились. Помню, что ты терпеть не можешь изюм и каждый раз врёшь, что тебе всё равно. Помню, как хоронили моего отца. Помню, как хотела тебя придушить за

ту кружку. Помню, что вчера мне было страшно возле этой двери.

Она замолчала. Андрей услышал, как Маша чуть сдвинулась у стены.

— Что именно должно исчезнуть, чтобы ты сказал: всё, Маши больше нет?

У Андрея не оказалось ответа. В квартире тихо щёлкнул холодильник.

— Ты сама уверена? — спросил он.

— Что я — это я?

— Да.

Маша помолчала.

— Я себя узнаю.

Андрей поднял глаза на дверь.

— Это не совсем ответ.

— Другого пока нет.

Он провёл ладонью по лицу.

— Что случилось в карантинном пункте?

— Я сказала: потом.

— А я сказал, что…

Маша внезапно замолчала. Не как человек, который решил не отвечать. Она просто оборвалась посреди дыхания. Андрей выпрямился.

— Маш?

Тишина. Он быстро поднялся.

— Маша.

— Тихо.

Голос был едва слышен. Андрей застыл возле двери.

— Что?

— Просто тихо.

Несколько секунд ничего не происходило. Андрей вслушивался вместе с ней, хотя не понимал, во что именно. Потом Маша медленно выдохнула.

— Всё.

— Что «всё»?

— Ничего.

— Ты только что…

— Андрей. — В голос вернулась привычная раздражённость. — Не сейчас.

Он хотел надавить. Уже открыл рот. Но Маша первой спросила:

— Вы завтра собираетесь к восточному мосту?

— При чём здесь мост?

— Собираетесь?

— Илья утром сказал, что его открывают с девяти. Если опять ничего не поменяют.

— Не ходите.

— Почему?

— Просто не ходите.

— Это не ответ.

— Андрей.

— Что там будет?

Она замолчала.

— Маша?

— Стрельба.

У него внутри похолодело.

— Какая стрельба?

— Я не знаю.

— Откуда тогда знаешь?

Снаружи послышалось движение. Маша поднялась. Андрей сделал шаг к двери.

— Не уходи. Ответь.

— Мне надо идти.

— Откуда ты знаешь про мост?

Она уже сделала несколько шагов по площадке.

— Маша!

Шаги остановились. Андрей прижался ближе к двери.

— Откуда?

Несколько секунд стояла тишина. Когда Маша ответила, голос донёсся уже чуть дальше:

— Потому что там уже есть мы.

Андрей замер.

— Кто «мы»?

Маша ничего не сказала. В ответ послышались только удаляющиеся шаги.

— Маша!

Он схватился за верхний засов. На секунду ему действительно захотелось открыть. Просто увидеть её. Не голос. Не

силуэт в глазке. Её. Рука уже легла на замок, когда в памяти вспыхнул экран телефона.

«Не открывай, если я вернусь».

Андрей медленно отпустил засов. Шаги исчезли. Минут через пять он всё-таки вышел из квартиры. Не пошёл следом. Спустился в подвал. Подтащил деревянный ящик, встал на него и взялся за правый нижний угол решётки. Потянул в сторону. Сначала ничего не произошло. Андрей сменил хват и дёрнул сильнее. Крепление с сухим хрустом вышло из старой кладки. Нижний угол рамы отошёл от стены. Он замер. Потянул ещё. Решётка отклонилась настолько, что между ней и стеной появился проём, через который худой взрослый человек действительно мог протиснуться боком. На кирпиче остались свежие царапины. Маша не соврала. Андрей слез с ящика и долго смотрел на окно. Надо было разбудить Сергея. Принести инструмент. Закрепить раму так, чтобы её больше никто не отогнул.

Он прекрасно это понимал. Вместо этого Андрей взял из кармана маленький кусок изоленты, оторвал тонкую полоску и незаметно наклеил её между нижним краем рамы и стеной. Если решётку снова отведут, полоска порвётся. Не сигнализация. Не защита. Просто способ узнать, что кто-то снова проходил. Андрей вернул решётку на место. Отступил на шаг. Со стороны всё выглядело как раньше. Он ещё несколько секунд стоял неподвижно. Потом выключил фонарик и пошёл наверх. Окно осталось открытым для того, кто знал,

как его открыть. Андрей знал, что делает. И именно поэтому никому ничего не сказал.

Глава 4

Полоска изоленты была цела. Андрей проверил её сразу после семи, ещё до того, как умылся. В подвале было холоднее, чем вчера. Он поднялся на ящик, посветил фонариком на правый нижний угол решётки и несколько секунд смотрел на тонкую чёрную полоску между металлом и кирпичом. На месте. После того как он поставил её ночью, окно никто не открывал. Ничего удивительного. Маша к тому времени уже ушла. И всё-таки Андрей зачем-то провёл большим пальцем по изоленте, проверяя, хорошо ли держится. Потом спрыгнул. Он мог закрыть лаз сейчас. Инструмент лежал дома. В пустующей квартире на третьем были анкеры, кусок стальной полосы и аккумуляторный перфоратор Мельникова. Полчаса — и решётку уже никто не отогнёт.

Вместо этого Андрей выключил фонарик и пошёл наверх. В восемь двадцать громкоговоритель во дворе ожил.

— Внимание жителям восточного сектора. В девять часов будет открыт временный пеший эвакуационный коридор через Восточный мост. Перемещение осуществляется группами в сопровождении сотрудников карантинной службы. Не покидайте жилые здания до объявления номера вашего квартала.

Окна в доме начали открываться одно за другим. Андрей

стоял на кухне с кружкой в руке и смотрел во двор. На втором этаже соседнего дома мужчина высунулся почти по пояс, пока кто-то из квартиры не дёрнул его обратно за футболку. Из окна напротив появилась женщина, прижимавшая к груди рюкзак. Несколько человек уже стояли у подъездов, хотя в сообщении ясно сказали ждать. Над двором поплыл гул голосов. Впервые за несколько дней люди услышали не приказ сидеть дома. Им предложили выход. Андрей поставил кружку на стол.

«Не ходите».

Он снова услышал Машин голос так отчётливо, будто она сидела в прихожей.

«Там будет стрельба».

Телефон лежал рядом. 8:23. До открытия оставалось тридцать семь минут. Андрей подошёл к окну. Восточного моста отсюда не было видно. До него — километра два с половиной, за жилыми кварталами и складской зоной. При хорошей погоде с крыши можно было разглядеть верхушки фонарей на подъезде к реке, но не больше. Маша не могла увидеть, что там происходит, сидя у его двери. Если вообще происходило хоть что-нибудь. Андрей взял телефон. Открыл общий чат дома. Написал:

«К мосту пока не идите».

Посмотрел на сообщение. Удалил. Через минуту снизу снова трижды ударили по батарее. На этот раз он выругался вслух. В пустующей квартире уже собирались люди. Окса-

на пришла с двумя рюкзаками. Один поставила возле входа, второй не выпускала из рук.

— Я не говорю, что прямо сейчас ухожу, — объясняла она Сергею, крепче прижимая лямку к плечу. — Но если назовут наш квартал, я вниз за вещами не побегу.

— Никто и не запрещает собираться. — Сергей даже не посмотрел на рюкзак.

— Вчера запрещали выходить вообще.

— Вчера не было коридора.

— Вот поэтому я и собралась.

Роман стоял возле окна и курил быстрее обычного. Елена складывала в небольшой детский рюкзак бутылку воды, кофту и упаковку печенья. Алиса сидела на полу и пыталась засунуть туда же альбом.

— Он не влезет, — сказала Елена, придерживая рюкзак одной рукой.

— Я сложу.

— Альбом нельзя складывать.

Алиса задумалась.

— Тогда ты несёшь воду.

— Нет.

— Почему?

— Потому что воду мы выпьем, а твой альбом я потом всю жизнь буду таскать.

— Хорошо.

Девочка тут же протянула ей бутылку. Елена закрыла гла-

за.

— Это был не договор.

У дальней стены Илья держал ноутбук на коленях и одновременно слушал переносное радио. Сергей заметил Андрея.

— Ты готов?

Андрей посмотрел на него.

— К чему?

— Если назовут наш квартал.

Андрей посмотрел на собранные сумки.

— Не надо идти.

Сергей нахмурился.

— Что?

Несколько человек рядом замолчали. Андрей почувствовал это почти физически.

— Я сказал: не надо идти к мосту.

Оксана первой повернулась к нему.

— Почему?

Он посмотрел на неё. Потом на Сергея.

— Пока не надо.

— Андрей, — медленно сказал Сергей, — там через полчаса открывают официальный коридор.

— Я слышал.

— Тогда что ты знаешь?

Вот он. Вопрос, к которому Андрей не подготовил ответа.

— Ничего.

Оксана нервно усмехнулась.

— Прекрасно.

— Я просто думаю, что надо подождать.

— Ты только что сказал «не надо идти».

— Потому что толпу туда сейчас нагонят со всех районов.

Сергей продолжал смотреть на него.

— Наш квартал ещё не называли.

— Вот и хорошо.

— А если назовут?

Андрей пожал плечами.

— Всё равно сначала посмотрим, как пройдут первые.

Это было разумно. И именно поэтому прозвучало хуже, чем хотелось. Сергей это почувствовал.

— Ты с утра сам не свой, а теперь внезапно предлагаешь не идти к единственному открытому выходу из района.

Андрей сжал челюсть.

— И что?

— Ничего. Хочу понять, откуда такая уверенность.

— Нет никакой уверенности.

— Хорошо, — неожиданно согласился Сергей.

Оксана повернулась к нему так резко, что рюкзак качнулся на плече.

— Что «хорошо»?

— До первого подтверждения никто никуда не идёт.

— Сергей…

— Наш квартал ещё не вызвали. Ничего не теряем.

— А если потом закроют?

— Тогда мы всё равно не успели бы пройти раньше своей очереди.

Оксана недовольно посмотрела на Андрея, но спорить не стала. Илья поднял глаза от ноутбука.

— Вообще-то он прав.

Сергей повернулся к нему.

— Зафиксируйте дату. Илья сказал, что я прав.

— Я сказал, что «он» прав. — Илья кивнул на Андрея. — Ты пока не расслабляйся.

Роман выпустил дым в форточку.

— Приятно видеть, как конец цивилизации помогает мужикам наконец научиться разговаривать о чувствах.

Сергей даже не повернул головы.

— Рома.

— Уже молчу.

В 8:54 аварийный канал подтвердил открытие. В 9:02 пришло первое сообщение:

«Группа 14-А начала движение».

Илья обновил страницу.

— Это кварталы у самой реки.

Оксана подошла ближе.

— Есть видео?

— Пока нет.

— А камеры?

— Городские либо лежат, либо закрыты.

Илья быстро перебирал вкладки.

— Есть местный чат. Народ пишет, что пропускают группами по сто человек.

Сергей посмотрел на часы.

— Не суетимся.

В комнате никто уже не разговаривал нормально. Люди стояли возле окон, хотя мост отсюда увидеть было невозможно. Несколько человек держали телефоны в руках. Оксана каждые полминуты спрашивала Илью, появилось ли что-нибудь новое. В 9:07 громкоговоритель сообщил, что коридор работает в штатном режиме. Кто-то выдохнул. Андрей нет. 9:09. 9:11. Он смотрел на цифры телефона. Маша могла ошибаться. Эта мысль должна была успокоить. Не успокаивала. В 9:13 Илья резко наклонился к экрану.

— Подождите.

Сергей обернулся.

— Что?

— Видео появилось.

— Откуда?

— Не знаю. Сейчас.

Илья включил запись. Изображение тряслось так сильно, что первые секунды нельзя было понять ничего. Люди шли между бетонными ограждениями. Впереди виднелась широкая дорога, уходящая на мост. По обеим сторонам стояли сотрудники в защитном снаряжении. Кто-то за камерой говорил:

— Нормально всё, мам, идём уже. Да нормально. Слышишь? — Изображение дёрнулось. Вдалеке люди остановились. Первые ряды начали пятиться.

— Что там? — спросил чей-то голос.

Камера поднялась выше. На противоположном подъезде к мосту двигались фигуры. Далеко. Слишком далеко, чтобы разобрать лица. Но двигались они не в строю. Кто-то из сотрудников карантинной службы поднял руку. Видео оборвалось.

— Всё? — спросила Оксана.

— Секунду.

Илья обновил страницу. Ничего. Ещё раз.

— Удалили?

— Нет. Связь.

Радио на подоконнике затрещало. Несколько секунд звучали обрывки переговоров, потом канал снова утонул в помехах. И вдруг с востока донеслось. Очень далеко. Короткая очередь. В комнате никто не пошевелился. Ещё одна. Потом несколько одиночных выстрелов. Роман медленно вынул сигарету изо рта.

— Это мост?

Никто не ответил. Андрей смотрел на телефон. 9:16. Стрельба усилилась. Теперь её уже было невозможно спутать с чем-то другим. Сначала короткие очереди. Потом одна длинная. После неё — тишина. И почти сразу во дворе ожил громкоговоритель:

— Внимание. Работа восточного эвакуационного коридора временно приостановлена. Жителям предписывается оставаться в помещениях. Не приближайтесь к маршруту эвакуации.

Оксана опустилась на стул.

— Господи.

Елена притянула Алису ближе. Сергей медленно повернулся к Андрею. Тот уже знал, что сейчас будет.

— Откуда?

Андрей ничего не сказал.

— Откуда ты знал?

— Я не знал.

Сергей сделал шаг к нему.

— Не надо.

Голос оставался спокойным. От этого становилось только хуже.

— За сорок минут до стрельбы ты сказал не идти к мосту. Не «подождём», не «может быть опасно». Ты сказал: «не надо идти».

Илья перестал смотреть на ноутбук. Теперь он тоже смотрел на Андрея.

— Серёг…

— Подожди. — Сергей даже не взглянул на него.

Он не отводил глаз от Андрея.

— Ещё раз. Откуда?

Андрей посмотрел на людей вокруг. На Оксану с двумя

собранными рюкзаками. На Елену. На Алису, которая ничего не понимала, но прекрасно чувствовала, что взрослые снова испугались. На Галину Петровну. Рассказывать при всех он не собирался.

— Потом.

Сергей чуть прищурился.

— Сейчас.

— Не здесь.

Сергей повернулся к остальным.

— Никто никуда не идёт. Сумки не разбирайте. Если коридор снова откроют, сначала ждём нормальной информации.

Оксана вскинулась:

— А что произошло?

— Я знаю столько же, сколько вы.

— А он?

Она указала на Андрея.

— Сейчас выясним, — сказал Сергей.

В кухне пустующей квартиры остались втроём. Сергей закрыл дверь. Илья сел на край стола, но ноутбук не открыл. Андрей стоял возле окна. Во дворе снова звучало предупреждение о приостановке эвакуации. Сергей прислонился спиной к двери.

— Говори.

Андрей некоторое время смотрел на соседний дом. Можно было соврать. Ещё раз. Придумать канал. Слух. Сообще-

ние от коллеги. Что угодно. Но восточный мост изменил что-то. До сегодняшнего утра он мог считать, что разговаривал с набором Машиных воспоминаний. Теперь этот набор воспоминаний знал, что через несколько часов произойдёт в двух с половиной километрах отсюда.

— Маша приходила.

Илья перестал качать ногой. Сергей не изменился в лице.

— Когда?

— Последние две ночи подряд.

Тишина стала плотной.

— Ты с ней разговаривал? — спросил Илья.

— Да.

— И молчал?

Андрей повернул голову.

— Да.

Илья провёл обеими ладонями по лицу.

— Охуенно. Просто охуенно!

Сергей продолжал стоять возле двери.

— К дому приходила?

Андрей выдержал короткую паузу.

— Да.

Ответ был правдой. Недостаточной, но правдой.

— Ты подходил к ней?

— Нет.

— Дверь открывал?

— Нет.

— Разговаривал через дверь?

— Да.

Сергей чуть кивнул. В его голове, Андрей видел это по лицу, картинка сложилась сама: Маша снаружи, Андрей внутри, между ними входная дверь. Андрей не стал её исправлять. Илья уже задавал следующий вопрос:

— Она нормальная? — спросил Илья.

Сергей бросил на него взгляд.

— Очень научная формулировка.

— Ты понял, что я имею в виду.

Илья снова посмотрел на Андрея.

— Говорит связно? Узнаёт тебя? Помнит всё?

— Да.

— Насколько «всё»?

— Достаточно.

— Что конкретно?

— Илья.

— Это важно.

— Я знаю.

— Тогда…

Андрей оборвал его раньше, чем тот договорил.

— Она помнит то, чего никто посторонний знать не мог.

Илья замолчал. Сергей сложил руки на груди.

— Официально они и должны помнить.

— Знаю.

— Значит, это ничего не доказывает.

— До сегодняшнего утра — ничего.

Илья спрыгнул со стола.

— Про мост сказала она?

Андрей кивнул.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Дословно.

— Что?

— Что именно она сказала? — Илья уже не скрывал нетерпения.

Андрей посмотрел на него.

— Спросила, собираемся ли мы к восточному мосту. Потом сказала не ходить.

— Почему?

— Я спросил.

— И?

Андрей помолчал.

— Сказала, что там будет стрельба.

Илья уставился на него. Сергей больше не опирался на дверь.

— До объявления об опасности?

— Да.

— До того видео?

— За несколько часов.

Илья медленно провёл рукой по волосам.

— Она могла видеть, что туда идут заражённые.

Сергей посмотрел на него.

— Отсюда?

— Не отсюда. Может, до этого была там.

Андрей покачал головой.

— Она сказала ещё одну вещь.

Илья сразу насторожился.

— Какую?

Андрей не хотел произносить её вслух. Почему-то после стрельбы слова звучали иначе.

— Я спросил, откуда она знает.

Он посмотрел сначала на Илью, потом на Сергея.

— Она сказала: «Потому что там уже есть мы».

Илья медленно опустил руку. Сергей нахмурился.

— «Мы» — заражённые?

— Я не знаю.

— А ты не спросил?

— Спросил.

— И?

— Она ушла.

Илья несколько секунд смотрел в пол.

— Если на мосту действительно были заражённые до того, как туда дошла первая группа…

— Не начинай, — сказал Сергей.

Илья поднял голову.

— Я ещё ничего не сказал.

— Уже вижу.

Илья раздражённо повернулся к нему.

— А что ты предлагаешь? Сделать вид, что совпало?

— Предлагаю не придумывать объяснение раньше фактов.

— Она предсказала стрельбу.

— Нет. — Сергей поднял палец. — Она сказала Андрею, что будет стрельба. Это факт. Откуда она это узнала — мы не знаем.

— Именно!

— И это не повод сразу решать, что заражённые телепатически общаются.

Андрей посмотрел на него. Илья тоже. Сергей заметил их лица.

— Что?

— Никто не говорил про телепатию, — сказал Илья.

Сергей помолчал.

— Ну и отлично.

Он отвернулся к окну. Илья почти улыбнулся, но передумал. Андрей вспомнил, как Маша ночью внезапно оборвала фразу одним словом: «Тихо». Потом несколько секунд сидела неподвижно. А сразу после спросила о мосте. Он не стал рассказывать об этом. Пока. Сергей посмотрел на него через отражение в стекле.

— Что она хочет?

— Не знаю.

— Не знаешь или не спрашивал?

— Спрашивал, зачем пришла.

— Что сказала?

— Сказала: домой.

Сергей коротко выдохнул через нос. Илья прислонился бедром к столу.

— Она просила открыть?

— Нет.

— Ни разу?

— Ни разу.

Сергей повернулся от окна.

— Пока.

Андрей нахмурился.

— Что?

— Я говорю — пока.

— Ты её не слышал.

— А ты слышал.

Сергей подошёл ближе.

— И это как раз проблема.

— В каком смысле?

— В прямом. Первый раз она приходит — ты дверь не открываешь. Второй раз возвращается, отвечает на твои вопросы, доказывает, что помнит вашу жизнь, потом даёт информацию, которая сбывается. И каждый следующий раз у неё становится больше шансов убедить тебя.

Андрей почувствовал раздражение.

— Убедить в чём?

— Открыть.

— Она не просила.

— Андрей, — произнёс Сергей совершенно спокойно. — Ты уже два дня скрываешь от всего дома, что она приходит.

Андрей замер. Илья перевёл взгляд с одного на другого.

— Если ты всё знал, зачем спрашиваешь сейчас?

— Я не знал. Я видел, что ты что-то скрываешь. — Сергей сделал ещё полшага. — Теперь знаю.

— И что дальше?

— Если она придёт снова — сообщишь.

— Кому?

— Мне.

Андрей усмехнулся.

— Чтобы ты сделал что?

— Пока ничего.

— Очень обнадёживает.

— А что ты хочешь услышать? Что я разрешаю тебе каждую ночь проводить собеседование с заражённой женой?

— Мне не нужно твоё разрешение.

— Пока она снаружи — не нужно.

Фраза ударила слишком точно. Андрей ничего не ответил. Сергей заметил паузу. На мгновение его взгляд изменился.

— Она ведь снаружи?

Илья тоже посмотрел на Андрея. Тишина растянулась всего на секунду. Но Андрей почувствовал её целиком.

— Да, — ответил он.

Теперь это была уже не половина правды, а самая настоящая ложь. Сергей продолжал смотреть ещё несколько секунд. Потом кивнул.

— Хорошо.

Андрей не понял, поверил он или просто решил пока не давить. Илья первым нарушил молчание:

— Если она снова придёт, надо записать разговор.

— Нет, — сразу сказал Андрей.

— Почему?

— Потому что это не эксперимент.

— Андрей, она знала про мост.

— Я в курсе.

— Это может быть первым нормальным доказательством, что официальная версия неполная.

— Или первым доказательством, которое приведёт сюда карантинную службу, если ты куда-нибудь его выложишь.

Илья закрыл рот.

— Вот здесь он прав, — сказал Сергей.

Илья поморщился.

— Я не собирался ничего выкладывать.

— Ага. Пока что, — сказал Сергей.

Илья бросил на него недовольный взгляд и махнул рукой.

— Ой, всё, блять.

Снаружи снова затрещал громкоговоритель. Все трое замолчали.

— Внимание. Восточный эвакуационный коридор закрыт

до особого распоряжения. В районе Восточного моста проводится операция по локализации группы инфицированных.

Илья медленно повернул голову к окну. Андрей почувствовал, как по рукам прошёл холод.

«Группы инфицированных».

Маша сказала это ночью.

«Там уже есть мы».

Громкоговоритель продолжал что-то говорить о необходимости оставаться в домах, но Андрей больше не слушал. Сергей смотрел на него. Теперь уже без раздражения. И без недоверия. Гораздо хуже. С настороженностью.

— Если она придёт сегодня, — сказал он, — не открывай.

Андрей поднял глаза.

— Я и не собирался.

Сергей немного помолчал.

— Вчера тоже не собирался?

Андрей ничего не ответил. Перед глазами почему-то возникло подвальное окно. Правый нижний угол решётки. Тонкая полоска изоленты. И собственная рука на верхнем замке прошлой ночью. Сергей открыл дверь кухни.

— Просто помни одну вещь. Если это действительно Маша, тогда всё стало намного сложнее.

Он задержался в проёме.

— А если нет — значит, она говорит именно то, что тебе нужно услышать. Мы понятия не имеем, что это такое и чего оно хочет. Может, ей действительно нужно, чтобы ты открыл

дверь. Может, нет. Но проверять это на людях в этом доме я не хочу. Андрей, не глупи. Ты здесь не один.

И вышел. Илья дождался, пока шаги Сергея стихнут за дверью.

— А ты сам как думаешь?

— О чём?

— О благоверной своей. Действительно ли это она или это просто искусно притворяется ей?

Андрей посмотрел в окно. С востока больше не стреляли.

— Не знаю, Илья. Не знаю…

Впервые этот ответ перестал его устраивать.

Глава 5

К вечеру Сергей дважды спросил Андрея, не появлялась ли Маша. Первый раз — на четвёртом этаже, где Андрей возился с электрощитком после очередного скачка напряжения. Автомат в пустующей квартире выбило так, что пластик вокруг контакта подплавился, и теперь от щитка тянуло горелой изоляцией. Андрей сидел на корточках, подсвечивая себе телефоном, когда за спиной остановился Сергей. Несколько секунд он молча наблюдал, как Андрей затягивает клемму, потом как бы между делом спросил:

— Ничего ночью больше не было?

Андрей не обернулся.

— Нет, — сказал Андрей слишком быстро и сам это услышал.

Сергей, похоже, тоже, но цепляться не стал. Только прислонился плечом к стене, посмотрел вниз на лестничный пролёт.

— Если она снова появится, скажешь.

— Ты это уже говорил.

— Значит, запомнил.

Андрей сунул отвёртку в карман, поднялся и захлопнул металлическую дверцу щитка. Сергей ещё немного постоял, будто хотел добавить что-то, но в конце концов ушёл. Ан-

дрей дождался, пока его шаги стихнут этажом ниже, и лишь тогда выдохнул. Второй раз они столкнулись около десяти вечера возле общей квартиры. Сергей нёс на первый этаж пустые канистры, чтобы поставить их у крана на случай, если ночью снова дадут нормальное давление. Андрей тащил наверх коробку с батарейками. Они едва не разошлись молча, но Сергей остановился на пролёте, обернулся и коротко спросил:

— Ничего?

Андрей покачал головой. Сергей кивнул и пошёл дальше. На этот раз в его голосе не было ни подозрения, ни нажима. И от этого Андрею стало почему-то ещё неприятнее. Он постоял на лестнице с коробкой в руках, глядя вслед, потом отнёс батарейки, спустился в подвал и сказал себе, что идёт проверить наружный технический выход. Это даже было правдой — просто не всей. Навесной замок висел на месте. Петли не тронуты, дверь заперта. Андрей провёл ладонью по холодному металлу, затем повернулся к окну под потолком. Тонкая полоска изоленты между нижним краем решётки и кирпичом оставалась целой. Он подтащил ящик, встал на него и посмотрел внимательнее. Изолента держалась, край не отходил. Значит, после той ночи никто решётку не трогал.

Значит, Маша ещё не приходила. Андрей задержался наверху дольше, чем было нужно. Перед глазами стояли свежие царапины на кирпиче и вырванное крепление рамы. В пусту-

ющей квартире на третьем лежал аккумуляторный перфоратор, там же были анкеры и обрезок стальной полосы. Даже без особой подготовки он мог за двадцать минут закрепить решётку так, что второй раз её уже не отведёшь. Это было бы правильно. Это было бы безопасно. Он точно знал, что именно так и должен поступить. Андрей слез с ящика, выключил фонарик и сказал в темноте:

— Завтра.

Слово прозвучало почти как признание. Наверху дом постепенно затихал. После стрельбы у Восточного моста люди говорили меньше обычного. Коридор так и не открыли повторно, хотя официальные каналы несколько раз сообщили, что ситуация «взята под контроль». Илья успел сохранить три коротких видео до того, как они исчезли. На одном люди бежали обратно по заграждённой дороге. На другом из окна высотки снимали лежащие на асфальте тела. Третье длилось всего несколько секунд: человек в защитной форме кричал кому-то не стрелять, потом изображение рванулось в сторону и оборвалось. Кто открыл огонь первым, никто не понял.

Сергей запретил показывать записи остальным хотя бы до утра. На удивление, Илья даже не спорил. Просто закрыл ноутбук и сказал, что всё равно сохранит копии. Андрей лежал на кровати, но сон не шёл. Он несколько раз переворачивался, один раз вставал за водой, потом снова ложился и смотрел в потолок. Телефон всё время оставался рядом. В какой-то момент он всё-таки открыл переписку с Сергеем.

Последнее сообщение было коротким:

«Если что-то будет — сразу мне».

Андрей смотрел на экран, пока тот не начал гаснуть. Потом перевернул телефон лицом вниз. Снаружи ветер гонял что-то по двору — пакет или обрывок плёнки. Иногда хлопали окна. Около двух ночи во дворе снова захрипел громкоговоритель, напоминая, что Восточный мост закрыт, а операция в прилегающем районе продолжается. И почти сразу после этого в дверь постучали. Три раза. Андрей закрыл глаза. Секунд через десять стук повторился.

— Андрей?

Он сел на кровати. Телефон лежал рядом. Чтобы написать Сергею, понадобилось бы несколько движений пальцем. Даже сообщение придумывать не нужно было: «Она здесь». Андрей взял аппарат, посмотрел на экран, включил беззвучный режим и сунул его в карман. Когда подошёл к прихожей, рука сама потянулась к выключателю. Он остановился. Свет на площадке всё равно не горел, а включать яркую лампу у себя почему-то не хотелось.

— Ты сегодня рано, — сказал он.

За дверью тихо усмехнулись.

— Уже претензии к графику?

— У тебя он был.

— Два раза — это не график.

Андрей подошёл к глазку. В тусклом свете, который поднимался по лестнице с нижних этажей, различалась её фи-

гура. Маша стояла возле стены и чуть поворачивала плечо, будто одежда мешала.

— Что с тобой?

— С чего ты взял, что со мной что-то?

— Стоишь криво.

— Спасибо. Всегда мечтала услышать это от мужа.

— Маш.

Она вздохнула.

— Ничего. Куртку зацепила об решётку и плечом приложилась. Жить буду.

Никакой крови Андрей не видел даже в полутьме. Только на рукаве темнел длинный разрыв.

— Изолента порвалась?

На этот раз замолчала уже она.

— Так это ты её туда прилепил?

— Я.

— Я подумала, кто-то очень лениво решил охранять окно.

— Порвалась?

— Да.

Значит, метка сработала. Значит, в доме снова появился путь, которым могла воспользоваться не только Маша. Эта мысль сразу испортила то облегчение, которое Андрей сам не хотел признавать.

— За тобой никто не шёл?

Шутливость исчезла из её голоса.

— Нет.

— Ты проверила?

— Да.

— Откуда знаешь?

Маша немного повернула голову к двери.

— Потому что я не идиотка. Я не полезла прямо сюда от улицы. Несколько раз меняла дворы, ждала, смотрела, не идёт ли кто следом.

Андрей помолчал.

— Хорошо.

— Нет, не хорошо.

— Что?

— Ты сейчас думаешь, не опасна ли я для всего дома.

Он нахмурился и уже хотел спросить, откуда она это знает, но остановился вовремя. Здесь никакой тайны не было. Он действительно слишком хорошо представлял себе Машу, чтобы удивляться очевидной догадке.

— Сергей знает? — спросила она.

— Что ты приходишь — да.

— А про подвал?

Андрей отвёл взгляд от глазка.

— Нет.

Маша долго ничего не говорила. Потом медленно спросила:

— Почему?

— Хороший вопрос. — Андрей провёл ладонью по верхнему краю комода. — Если расскажу, окно закроют.

— И?

— И ты больше сюда не попадёшь.

За дверью стало тихо. Несколько секунд Маша ничего не отвечала, и Андрей сам почувствовал нелепость того, насколько откровенно прозвучали его слова.

— Могу приходить к главному входу, — наконец сказала она.

— Там Сергей.

— Корнев который?

Андрей поднял глаза.

— Ты его помнишь?

— Конечно. Мы десять лет здесь живём. Он ещё до всего этого любил смотреть на людей так, будто сейчас попросит предъявить пропуск.

В голосе появилась лёгкая усмешка.

— Взялся командовать подъездом?

— Не командовать.

— Разумеется.

— Он реально много делает.

— Верю. Он всегда производил впечатление человека, которому дай блокнот — и через полчаса появятся правила.

Андрей невольно усмехнулся.

— Ты ему соврал из-за меня? — спросила Маша.

Улыбка сразу исчезла.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Просто уточняю масштаб семейной дра-

мы.

— Маша.

— Всё. Молчу.

Он опустился на пол возле двери. На этот раз не стал изображать, будто делает это случайно. С другой стороны послышался шорох одежды. Маша тоже села, прислонившись к стене напротив.

— Рассказывай про мост, — сказал Андрей.

Улыбка исчезла из её голоса.

— Что именно?

— Рассказывай всё. Вчера ты сказала, что там будет стрельба. Сегодня там стреляли. Я хочу понять, откуда ты знала.

Маша провела пальцами по двери. Андрей услышал лёгкий скребущий звук.

— Я не знала будущего.

Он поднял брови.

— Я не говорил, что ты его знаешь.

— Ты думал.

— Мысли читаешь?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу и без колебаний.

— Тогда откуда знаешь, что я думал?

— Потому что я тебя знаю. Если не можешь объяснить что-то нормально, начинаешь перебирать ненормальные варианты и злиться, что они тебе не нравятся.

Андрей прислонился затылком к стене.

— Хорошо. Будущего ты не видишь.

— Нет.

— Мысли не читаешь.

— Нет.

— Тогда откуда мост?

На этот раз Маша не ответила сразу. С площадки снизу донёсся скрип двери, и оба одновременно замолчали. Кто-то вышел из квартиры этажом ниже. Послышались тяжёлые шаги, потом короткий кашель. Андрей узнал Романа. Тот прошёл один пролёт, остановился, щёлкнул зажигалкой и через несколько секунд вернулся к себе. Андрей дождался, пока дверь захлопнется.

— Вот поэтому я должен был Сергею сказать.

— Можешь сказать сейчас.

— Хочешь?

Маша помедлила.

— Нет.

Честность ответа застала его врасплох.

— Почему?

— Потому что тогда ты откроешь эту дверь не мне, а Сергею, и разговор закончится.

Андрей снова посмотрел в глазок.

— Значит, ты тоже не особо за правила.

— Никогда не утверждала обратного.

Он вернулся к главному вопросу:

— Мост.

За дверью Маша шумно выдохнула.

— Я знала, что там есть заражённые.

— Видела их?

— Нет.

— Тогда как?

Она снова надолго замолчала. Когда заговорила, голос стал серьёзнее.

— Представь, что всю жизнь слышал только собственное сердце. Одно. Своё. Ты даже не думаешь о нём большую часть времени, потому что другого никогда не было.

Андрей не перебивал.

— А потом однажды просыпаешься и слышишь ещё десять тысяч.

— Слышишь буквально?

— Нет. Вот в этом и проблема — нормального слова нет. Это не голоса в голове. Никто не говорит мне предложениями, куда он пошёл и что собирается делать. Скорее… иногда я вдруг чувствую чужой страх так, будто он мой. Или чужую злость. Боль. Иногда вместе с этим приходит кусок чего-то ещё — вспышка изображения, запах, ощущение места. Не всё воспоминание. Даже не всегда понятно, что это было.

Андрей слушал, пытаясь автоматически раскладывать её объяснение на понятные элементы.

— От кого это приходит?

— От таких, как я.

— От заражённых.

Маша помолчала.

— Да.

— От всех?

— Не знаю. Я вообще не уверена, что это работает одинаково у всех.

— Насколько далеко?

— Андрей…

— Это нормальный вопрос.

— Нормальный, если у меня был прибор, карта и месяц экспериментов. У меня ничего этого нет.

Она немного сменила позу.

— Я чувствую тех, кто ближе. Иногда дальше, если там происходит что-то сильное. Иногда один будто тянет за собой другого.

— В каком смысле?

— Не знаю. Представь цепочку. Я чувствую кого-то рядом, тот связан ещё с кем-то, и что-то может пройти через них дальше.

— Как ретрансляция?

— Может быть.

— Значит, расстояние между тобой и источником вообще не обязательно прямое.

— Наверное.

Слово «наверное» раздражало его, но Андрей понимал: честнее ответа у неё пока нет.

— А у моста?

Маша прислонилась затылком к стене.

— Там было несколько заражённых. Я не видела их глазами, Андрей. Не знаю, где каждый стоял. Я просто чувствовала, что им очень страшно.

— Чего они боялись?

— Вместе со страхом несколько раз пришли обрывки. Форма. Оружие. Ограждения. Один из них видел людей с автоматами совсем близко. Другой был где-то между бетоном и машинами. Я не знаю точного места.

— Но решила, что начнётся стрельба.

— Не сразу.

Она говорила медленно, вспоминая.

— Сначала я почувствовала, что они будто загнаны. Может, это было не так на самом деле. Может, им просто казалось, что некуда уходить. Потом ты сказал, что утром туда поведут людей. Я представила толпу, вооружённую охрану и заражённых, которые уже на грани. Дальше особого дара пророчества не нужно.

Объяснение оказалось пугающе обычным. Не мистика. Не предвидение. Просто информация, которой у неё не должно было быть.

— Почему они не ушли раньше?

— Не знаю.

— Может, хотели попасть к людям?

— Не знаю.

— Может, ждали…

— Андрей.

Он остановился. Маша устало продолжила:

— Я понимаю, что ты пытаешься построить схему. Я сама пытаюсь. Только у меня нет ответов на половину твоих вопросов.

— Сколько ты уже это чувствуешь?

— Несколько дней.

— И всё ещё не понимаешь правил?

Она тихо рассмеялась.

— Ты тридцать четыре года человек. Полностью понимаешь, как работает твоё сознание?

Андрей ничего не сказал.

— Вот и я примерно там же.

Он провёл большим пальцем по костяшкам.

— Есть кто-то главный?

— Что?

— В этой связи. Центр. Кто-то, кто управляет остальными.

Маша ответила не сразу, будто прислушалась прежде к собственным ощущениям.

— Я такого не чувствую.

— Это не ответ.

— Другого нет. Никто не отдаёт мне команды. Я не ощущаю одного голоса, который сильнее всех. Это не один мозг на всех.

— Тогда что?

— Люди.

Андрей поморщился.

— Заражённые.

— Люди, Андрей.

В её голосе впервые за разговор прорезалось раздражение.

— Много отдельных людей, которые почему-то перестали быть полностью отдельными.

Он решил не спорить. Маша продолжила спокойнее:

— Иногда кто-то будто становится тише. Я не знаю почему. Может, уходит дальше. Может, учится как-то закрываться. Может, просто перестаёт паниковать. Я пока даже не уверена, можно ли этим управлять.

— А ты можешь?

— Иногда немного.

— Как?

— Цепляюсь за то, что точно моё.

Андрей посмотрел на перевёрнутую свадебную фотографию.

— Воспоминания?

— Да. Места. Запахи. Разговоры. Что-то знакомое.

Она коснулась двери ладонью, и Андрей услышал мягкий шорох.

— Поэтому вы возвращаетесь домой.

Маша замерла.

— Не знаю про всех.

— А ты?

Она ответила не сразу.

— Да.

Андрей посмотрел вокруг прихожей. Почти всё здесь так или иначе выбирала Маша. Цвет стен, который он десять лет называл серым, а она упрямо исправляла на «графитовый». Лампу под потолком. Комод, которым он теперь подпирал дверь. Полку возле зеркала, которую Андрей обещал повесить три недели и в итоге установил за один вечер после того, как Маша молча достала дрель сама.

Он вдруг понял, что для неё квартира могла означать совсем не то же, что для него. Для Андрея это было место, где они жили. Для Маши сейчас — доказательство того, что какая-то часть её прошлого существовала на самом деле.

— Почему тогда не остаёшься здесь? — спросил он.

Маша тихо хмыкнула.

— Предлагаешь открыть?

Андрей мгновенно напрягся.

— Я этого не говорил.

— Вот и я не прошу.

Фраза прозвучала спокойно, без нажима.

— Тогда почему уходишь каждую ночь?

— Потому что здесь живут люди. А я заражена.

— Ты только что полчаса объясняла мне, что всё ещё человек.

— Одно другому не мешает.

— Боишься кого-то заразить?

— Конечно.

Андрей помолчал, потом задал вопрос, который уже однажды задавал и так и не получил ответа.

— Только этого?

Маша не ответила. Он почувствовал, как внутри снова включается то самое раздражение, которое появлялось каждый раз, когда разговор не поддавался логике.

— Ты можешь потерять контроль?

На площадке стало совершенно тихо.

— Я контролирую себя, — сказала Маша.

Андрей прикрыл глаза.

— Я не это спросил.

— Я знаю.

— Тогда ответь.

— Я ответила.

— Нет. Ты сказала, что контролируешь себя сейчас. Я спросил, можешь ли перестать.

Маша резко сменила позу. По звуку Андрей понял, что она поднялась.

— Мне надо идти.

Он тоже встал.

— Потому что я спросил неудобное?

— Потому что становится громче.

Андрей замер. На этот раз в её голосе не было ни раздражения, ни шутки. Только напряжение.

— Что именно?

— Не разговаривай секунду.

Он уже собирался продолжить, но остановился. С другой стороны двери Маша дышала медленнее, чем обычно, словно сознательно заставляла себя считать вдохи. Потом дыхание сбилось. Она один раз резко втянула воздух и ладонью упёрлась в дверь.

— Маш?

— Тихо.

Андрей замолчал. Несколько секунд ничего не происходило. Потом Маша едва слышно выругалась.

— Что?

— Не знаю.

— Что ты почувствовала?

Она долго не отвечала.

— Кого-то… оборвало.

Андрей нахмурился.

— В каком смысле?

— Был страх. Очень сильный. Потом короткая вспышка… и всё. Просто ничего.

— Он умер?

— Не знаю, — сказала Маша почти сердито. — Может быть. Кажется, да. Я не знаю.

Андрей почувствовал холод между лопатками. Маша продолжала тяжело дышать. Андрей уже хотел спросить ещё что-то, когда она заговорила сама:

— Мы… я не могу сейчас нормально…

Она оборвалась, поправилась и несколько секунд молчала. Андрей заметил это. «Мы». Он ничего не сказал. Не сейчас. За дверью Маша опустилась на пол. Это было слышно по шороху одежды и слабому удару плеча о стену. Андрей тоже сел, теперь уже вплотную к двери.

— Маш.

— Что?

Голос звучал глухо.

— Графитовый.

Несколько секунд тишины.

— Что?

— Стены в прихожей.

Она шумно выдохнула.

— Господи.

— Серые.

— Графитовые.

— Серые.

— Ой, иди в жопу.

Андрей улыбнулся.

— Зелёная кружка.

— Ты её разбил.

— Сама упала.

— Андрей.

— Что?

— Я сейчас встану, пролезу обратно через это чёртово ок-

но и укушу тебя просто из принципа.

— Отлично. Уже лучше.

Маша коротко рассмеялась. Смех вышел слабым, но настоящим.

Андрей посмотрел на дверь перед собой и вдруг понял, что делает ровно то, о чём она говорила. Не лечит. Не исправляет. Не строит схему. Просто возвращает ей вещи, которые принадлежали только ей.

— Ярославль, — сказал он.

— Не смей.

— Соседний номер.

— Я до сих пор уверена, что он притворялся.

— Ты тогда разбудила пол-этажа.

— Зато девушка задумалась.

— Кот возле магазина.

— Барсик.

— Его звали Марсель.

— Вот поэтому я его и не запомнила. Дурацкое имя.

Андрей приложил ладонь к двери. Не специально. Просто в какой-то момент рука оказалась там сама. Через секунду с другой стороны послышался лёгкий шорох. Маша положила ладонь напротив. Он не мог чувствовать тепло её кожи — между ними были дерево, обивка и замки. Но почему-то прекрасно представлял, где находятся её пальцы. Дыхание Маши постепенно выравнивалось.

— Лучше? — спросил Андрей.

— Да.

— Почему?

Она не ответила сразу. На этот раз пауза не раздражала его.

— Возле знакомого проще, — сказала Маша. — Когда становится слишком много чужого, я цепляюсь за то, что точно помню сама.

— Квартира.

— Да.

— Вещи.

— Да.

— Меня.

За дверью снова возникла пауза, но теперь в ней чувствовалась улыбка.

— Тебя тоже.

Андрей опустил взгляд на собственную ладонь.

— И что происходит?

— Становится проще понять, где заканчиваются остальные.

Он почувствовал, как в животе неприятно стянуло.

— А где начинаешься ты?

Маша очень тихо усмехнулась.

— Вот это я и пытаюсь не забыть.

Где-то далеко снова прогремели одиночные выстрелы. На этот раз Маша лишь чуть сильнее прижала ладонь к двери, но дыхание не сбилось. Андрей не задал следующего вопро-

са. Впервые за все три ночи он просто остался сидеть рядом. Прошла минута или две. Может, больше. В тёмной прихожей тихо работал холодильник, за стеной кто-то ворочался в постели, по трубам прошёл короткий металлический стук. Дом жил своей ночной жизнью, не подозревая, что всего в нескольких сантиметрах от Андрея сидит человек, которого официально уже не существовало. Маша медленно провела большим пальцем по двери.

— Здесь тише, — сказала она.

Глава 6

Маша ушла ещё до рассвета. После слов «Здесь тише» они просидели у двери почти двадцать минут, почти не разговаривая. Андрей несколько раз ловил себя на желании снова спросить про карантинный пункт, про странное «мы», про то, как далеко тянется эта связь и сколько заражённых она чувствует прямо сейчас, но каждый раз останавливался. Впервые за три ночи ему не хотелось разбирать Машу на ответы. Она сидела по другую сторону двери, иногда меняла положение затёкших ног, тихо дышала, и этого почему-то хватало. Потом сказала, что ей пора. Андрей поднялся вместе с ней и слушал, как шаги уходят вниз по лестнице. На этот раз к замкам не потянулся.

Утром полоска изоленты на подвальной решётке оказалась разорвана. Андрей заменил её новой, тщательно разгладил край большим пальцем и некоторое время стоял на деревянном ящике, глядя на слабое крепление рамы. После ночного разговора оставлять лаз стало ещё труднее объяснить самому себе. Теперь он знал: Маша чувствует чужой страх на расстоянии, получает обрывки восприятия других заражённых и временами с трудом отделяет собственные переживания от чужих. Любой здравый человек после такого не оставил бы тайный проход в дом с семнадцатью жильцами.

Андрей оставил.

Когда он поднялся наверх, пятиэтажка уже просыпалась. В трубах ненадолго появилось давление, и по этажам зашумела вода: люди наполняли кастрюли, бутылки, пластиковые канистры, пока городская сеть снова не передумала работать. Из общей квартиры на третьем доносился стук посуды. Роман с кем-то ругался из-за сигарет. После вчерашнего Восточного моста о скорой эвакуации больше никто не говорил. Собранные рюкзаки так и стояли возле дверей, но теперь на них старались не смотреть. Андрей успел только налить чай, когда снизу закричали.

Сначала он не разобрал слов. Мужской голос, затем женский, потом по батарее ударили несколько раз подряд — не условные три удара на собрание, а беспорядочная тревога. Андрей поставил кружку так резко, что чай выплеснулся на стол, и вышел на лестницу одновременно с Еленой. Та держала Алису за руку; девочка была босиком и только успела натянуть кофту поверх пижамы.

— Что там? — Елена уже смотрела вниз, пытаясь понять, откуда кричат.

— Не знаю.

Снизу уже гремел голос Сергея:

— От двери отошли! Все выше!

Елена посмотрела вниз, затем на дочь и без спора развернула её к квартире.

— Домой. Закройся изнутри и никому не открывай.

— Мам…

— Алиса.

Одного тона хватило. Девочка недовольно поджала губы, но побежала обратно. К тому моменту, когда Андрей спустился на первый этаж, у лестницы уже собралась половина дома. Оксана стояла в халате поверх спортивных штанов, Роман держал во рту незажжённую сигарету, Илья пытался заглянуть через плечи остальных. Сергей находился у внутренней двери тамбура. Ни шкаф, ни стол никто не сдвигал.

— Назад на пролёт, — повторил он, не оборачиваясь.

— Да скажи уже, что случилось, — потребовала Оксана.

Сергей ничего не ответил.

Андрей протиснулся ближе и посмотрел через стеклянную вставку внутренней двери. Снаружи, за двустворчатым входом и цепью, стоял молодой мужчина. Грязная куртка была расстёгнута, волосы слиплись на лбу, на одном рукаве темнела длинная прореха. Он держался в нескольких метрах от двери и не пытался приблизиться. Андрей сначала не узнал его. За спиной раздался резкий вдох.

— Денис.

Галина Петровна стояла на нижней ступеньке. Металлическая кружка выскользнула из её руки, ударилась о край лестницы и покатилась вниз. Мужчина снаружи поднял голову на звук. Лицо у него изменилось мгновенно.

— Мам!

Даже через две двери слово разобрали.

Галина шагнула вперёд. Сергей выставил ладонь, но не коснулся её.

— Не надо.

Она повернула к нему голову.

— Это мой сын.

— Я вижу.

— Тогда отойдите.

— Галина Петровна…

— Сергей, — произнесла она настолько тихо, что он всё-таки опустил руку. Сам, однако, остался между ней и дверью. Денис что-то говорил снаружи, но через два слоя стекла слова терялись. Роман вынул сигарету изо рта и кивнул вверх.

— На лестнице окно открыть можно. Оттуда слышно будет.

Оксана резко повернулась к нему.

— Ещё чего.

— Через закрытое окно разговор не заразный, Оксан.

— А если они ошибаются насчёт воздуха?

— По официальным данным, заражение идёт через кровь и слюну при попадании на слизистые или повреждённую кожу.

Оксана коротко усмехнулась, но весёлого в этом звуке не было.

— По официальным данным личность у них тоже умерла, — отрезала она.

Возразить было нечего. Сергей коротко кивнул Роману.

Тот поднялся на площадку между первым и вторым этажом и с усилием распахнул старую раму. В подъезд ворвался холодный воздух. Галина сразу подошла к окну.

— Денис!

— Мам! — теперь голос звучал ясно. — Я здесь. Не выходи!

Она вцепилась пальцами в подоконник. Сергей встал рядом, но оставил между ними полметра.

— Денис! К двери ближе не подходи.

Тот посмотрел на открытое окно.

— Я и не подхожу.

— Руки покажи.

Денис замер на секунду, затем медленно развёл их в стороны и повернул ладонями вперёд.

— Так?

— Да. Рот открой.

Галина резко посмотрела на Сергея.

— Вы совсем…

— Мне надо увидеть, нет ли крови.

Денис услышал сам. Открыл рот, провёл ладонью по губам и показал её.

— Ничего нет.

Сергей не ответил.

— Денис, тебя кусали? — спросила Галина.

Сын посмотрел на неё. Пауза была короткой, но её хватило, чтобы в подъезде перестали шевелиться.

— Да.

Оксана отступила на ступеньку.

— Когда?

— В первый день.

— Где?

Он показал на левое предплечье, где под порванным рукавом виднелась старая повязка. Галина закрыла глаза всего на мгновение.

— Почему ты не пришёл раньше?

— Не мог.

— Где ты был?

— Потом расскажу. Я не первый день сюда добираюсь.

Сергей внимательно смотрел на него.

— Зачем пришёл?

Денис перевёл взгляд с него на мать.

— Домой.

У Андрея неприятно сжалось внутри. Тем же словом ответила Маша.

— Что значит «домой»? — спросил Сергей.

Денис устало усмехнулся.

— То и значит. А вы зачем домой приходите?

Роман тихо хмыкнул. Сергей даже не обернулся.

— Ты сейчас будешь отвечать на вопросы.

— Я отвечаю.

Галина не отрывала глаз от сына.

— Ты меня узнаёшь?

Денис посмотрел на неё почти с обидой.

— Мам.

— Ответь.

Он вздохнул.

— Галина Петровна Нестерова, шестьдесят четыре года, библиотекарь на пенсии. Терпеть не можешь, когда я называю тебя Галиной Петровной, потому что от меня это звучит как издевательство.

У неё дрогнул подбородок.

— Что я сказала тебе, когда ты последний раз уходил из дома?

Денис задумался.

— Что если опять приду в три ночи, ты будешь спать и дверь не откроешь.

— А ты?

— Что у меня есть ключ.

— Потом?

Он нахмурился, несколько секунд перебирая память, и вдруг тихо сказал:

— «Возьми шарф. Ты вечно думаешь, что шея запасная».

Галина отвернулась от окна. Плечи у неё задрожали.

Сергей смотрел наружу.

— Это всё ещё ничего не доказывает.

Галина резко повернулась.

— Я вас не спрашивала.

— Знаю. Но говорить всё равно придётся. Если мы откро-

ем общую дверь, это перестанет быть только вашим решением.

— А если не откроем?

Сергей молчал.

— Что тогда? — продолжила она. — Он будет стоять там, пока его не застрелят?

— Я не знаю.

— Очень удобно.

Сергей наконец посмотрел на неё.

— Нет. Ничего удобного здесь нет. Я не знаю, ваш это сын или нечто, которое сохранило его память. Не знаю, что с ним будет через час. Не знаю, способен ли он наброситься на нас. Зато знаю, что за моей спиной живут ещё шестнадцать человек.

— Вы можете решать, что делать с общей дверью, — сказала Галина. — За моего сына вы решать не будете.

Сергей выдержал её взгляд.

— Именно про дверь я и говорю.

На этот раз в спор вмешался Андрей. Он смотрел на Дениса, который всё это время стоял там, где ему велели. Тот не бился в дверь, не кричал и не пытался подойти ближе. Даже мать не просил открыть.

— Его можно изолировать.

Сергей повернул голову. Илья тут же подался вперёд.

— В квартире Галины Петровны.

Оксана чуть не рассмеялась от возмущения.

— Вы с ума сошли?

— Нет, — сказал Андрей. — Если впускать, то не в дом свободно. Сначала в тамбур. Наружную дверь сразу снова запираем. Потом проводим прямо в квартиру и закрываем там.

— А если он бросится на кого-нибудь по дороге?

— Внизу останется минимум людей.

— «Минимум» — это сколько?

— Я, Сергей. Галина Петровна — если не согласится уйти.

— Не соглашусь, — сразу сказала она.

Андрей кивнул.

— Вот.

Сергей смотрел на него дольше остальных. После разговора о Маше ему, очевидно, было особенно трудно воспринимать предложение Андрея как нейтральное.

— Ты сейчас предлагаешь впустить подтверждённо заражённого в дом.

— Я предлагаю вариант, при котором он не остаётся на улице и не получает свободного доступа к подъезду.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Илья заговорил быстрее, будто боялся, что Сергей сейчас закроет тему:

— В квартире его можно наблюдать. Посмотреть, ест ли он, спит, как говорит, что происходит с температурой…

— Илья, — сухо сказал Сергей, — ты не исследовательский институт.

— Но это лучше, чем ничего.

Елена к этому моменту снова спустилась вниз. Алисы рядом не было. Она остановилась выше остальных и несколько секунд слушала.

— Я не хочу, чтобы он ходил по общим помещениям, — сказала она. — У меня ребёнок.

Галина посмотрела на неё. Елена не отвела глаз.

— Но если его действительно можно закрыть в отдельной квартире и никто больше туда не будет заходить… я не стану требовать оставить его снаружи.

Оксана повернулась к ней.

— А если он её заразит?

— Тогда Галина Петровна тоже не должна выходить из квартиры.

Галина сжала губы.

Сергей кивнул.

— Вот это уже обязательное условие. Если Денис входит к вам, вы остаётесь там вместе с ним. Еду и воду будем оставлять под дверью. Если почувствуете себя плохо — сообщаете сразу. Никаких «да всё нормально».

— Хорошо.

— И если он станет вести себя странно…

— Он мой сын.

— Я знаю.

— Тогда не говорите со мной так, будто я не понимаю.

Сергей провёл ладонью по щетине.

— Я говорю именно потому, что вы понимаете. Если бы не понимали, разговор уже закончился бы.

Галина хотела что-то ответить, но промолчала.

Оксана всё ещё выглядела так, будто сама идея заражённого внутри дома была безумием.

— И мы просто решим это здесь за всех?

Сергей покачал головой.

— Нет.

Он повернулся к Роману.

— Поднимись к Виктору Михайловичу и Нине Павловне. Объясни, что происходит. Потом к Мельниковым. Пусть один взрослый из каждой квартиры скажет, готовы ли они оставаться в доме, если Денис будет заперт у матери.

— А остальные?

— Кто сейчас по квартирам — предупредить всех. Никто потом не должен узнать, что мы сняли цепь, постфактум.

Роман убрал сигарету в карман и быстро поднялся по лестнице. Илья пошёл на верхние этажи. Елена вернулась к Алисе, по пути заглядывая в соседние квартиры. Даже Оксана, всё ещё недовольная, отправилась предупредить тех, кто жил рядом с ней. Денис оставался у скамейки. Галина смотрела на него через открытое окно. Время от времени они перебрасывались короткими фразами — не о заражении, а о вещах настолько обычных, что от них становилось не по себе. Ел ли он. Замёрз ли. Где потерял шапку. Почему куртка порвана. Денис отвечал терпеливо, иногда даже усмехался, и

Андрей всё сильнее ловил себя на странном ощущении, будто дом не решает сейчас, впустить ли заражённого, а ждёт сына, который слишком долго не возвращался.

Минут через десять люди снова начали спускаться. Виктор Михайлович сам прийти не смог, но передал через Романа: если Денис будет заперт в отдельной квартире, он возражать не станет. Нина Павловна сказала то же. У Мельниковых решение дал отец семейства: ребёнка из квартиры они выпускать не будут, но уходить из дома не собираются. Остальные жильцы тоже высказались — кто с явным страхом, кто с оговорками, но никто не потребовал оставить Дениса на улице при условии строгой изоляции. Оксана осталась единственной, кто долго не отвечал.

— Мне это не нравится, — наконец сказала она.

— Мне тоже, — ответил Сергей.

— Тогда зачем?

Он посмотрел на Дениса за стеклом.

— Потому что у нас есть способ снизить риск. Не убрать. Снизить. И потому что оставить его снаружи — тоже решение, за которое потом придётся отвечать.

Оксана прижала руки к груди.

— Значит, голосуем?

— Нет. Простым большинством такие вещи не решают. Если кто-то категорически не готов оставаться в доме с заражённым даже за закрытой дверью, Дениса пока не заводим и ищем другой вариант.

Он посмотрел на неё.

— Вы категорически не готовы?

Оксана несколько секунд молчала.

— Если он действительно будет заперт у Галины Петровны и никто не станет водить его сюда как домашнего кота… останусь.

— Хорошо.

Сергей ещё раз обвёл всех взглядом. Решение явно ему не нравилось. Андрей видел это по тому, как тот сжимал пальцы на блокноте, хотя записывать уже было нечего.

— Я согласен не потому, что считаю его безопасным, — наконец сказал Сергей. — И не потому, что решил, человек он или нет. Я этого не знаю. Мы впускаем его только потому, что можем провести от наружной двери прямо до второго этажа и не дать ему свободно ходить по дому. Дальше отдельно решим, как именно его изолировать и наблюдать. Первое нарушение условий — всё пересматриваем. Понятно?

Никто не спорил. Галина закрыла глаза на секунду, затем выпрямилась. Сергей посмотрел на Андрея.

— Поможешь с дверью.

Пока жильцов разводили по квартирам и верхним этажам, Сергей поднялся к себе. Вернулся через несколько минут с длинным охотничьим ружьём. Оксана побледнела.

— У вас всё это время было оружие?

— Законное. Хранилось запертым.

— И вы…

— Не сейчас.

Илья попытался остаться на первом этаже с телефоном.

— Я могу снять весь процесс.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если всё пойдёт плохо, последнее, что мне нужно, — потом увидеть это в интернете.

Илья открыл рот, но передумал и убрал телефон.

У входа в итоге остались Андрей, Сергей и Галина.

— Вам всё-таки лучше подняться к квартире, — сказал Сергей.

— Нет.

— Галина Петровна.

— Я никуда не уйду, пока он не окажется внутри.

Сергей сжал губы, но спорить дальше не стал.

— Тогда стойте за нами. И что бы ни произошло — не бросаетесь вперёд.

Она ничего не пообещала.

Сергей подошёл к открытому лестничному окну.

— Денис!

Тот сразу поднял голову.

— Отойди к дальней стороне скамейки.

— Зачем?

— Будем открывать.

Денис не двинулся.

Андрей ожидал облегчения, улыбки, хотя бы шага к двери. Вместо этого на лице парня впервые появился настоящий страх.

— Мам?

Галина подошла к окну.

— Я здесь.

— Вы уверены?

Сергей нахмурился.

— В чём?

— Что хотите открыть.

Никто не ответил сразу. Денис посмотрел на мать.

— Если передумали, не надо.

Галина стиснула подоконник.

— Не передумали. Отойди, как сказали.

Он послушался.

Андрей и Сергей начали разбирать внутреннюю баррикаду. Стол пришлось разворачивать боком, стараясь не зацепить стекло. Шкаф сдвигали вдвоём, сантиметр за сантиметром. Когда образовался проход к тамбуру, Сергей поставил ружьё прикладом на пол, а Андрей проверил наружную дверь.

— Готов? — спросил он.

— Давай.

Они вошли в тамбур. За наружным стеклом Денис стоял у скамейки. Андрей снял замок с цепи. Металл звякнул неожиданно громко. Денис напрягся. Сергей поднял ружьё,

но ствол оставил направленным вниз.

— Подходишь медленно. Руки всё время вижу. Вошёл — остановился.

— Понял.

Андрей снял цепь с ручек и открыл одну створку ровно настолько, чтобы человек мог протиснуться боком. В подъезд ворвался холодный воздух.

— Иди, — сказал Сергей.

Денис пошёл. Теперь Андрей видел его нормально. Он заметно похудел, под глазами лежали тёмные круги, на коже серела дорожная грязь. Под разорванным рукавом левого предплечья виднелась старая повязка. Ни свежей крови, ни открытой раны снаружи не было видно. У самого входа Денис остановился. Сергей немного поднял ружьё.

— Дальше.

Денис посмотрел на мать за внутренней дверью, потом переступил порог. Андрей сразу захлопнул наружную створку, вернул цепь на ручки и защёлкнул замок. Только после этого позволил себе нормально вдохнуть. Денис оказался заперт в маленьком тамбуре между двумя дверями.

— И что теперь? — спросил он, оглядывая тесное пространство.

— Теперь стоишь, — ответил Сергей. — Куртку сними.

Денис подчинился. Под ней оказалась грязная футболка. Сергей заставил его повернуться, поднять руки, показать шею, ладони и лицо, а потом указал на повязку.

— Размотай.

— Зачем?

— Хочу видеть укус.

Галина Петровна напряглась, но ничего не сказала.

Денис медленно начал разматывать грязноватую ткань. Под ней обнаружились два тёмных полукружия на коже — следы зубов, уже затянувшиеся, с буро-красными краями. Свежей крови не было. Рана выглядела старой и сухой. Сергей несколько секунд рассматривал её через стекло.

— Всё? — Денис поднял глаза.

— Если ты спрашиваешь, отвалится ли рука, то пока нет.

— Закрывай обратно.

Денис намотал повязку на предплечье. Сергей ещё раз осмотрел его, после чего Денис устало спросил:

— Трусы тоже?

Сверху кто-то прыснул.

— Роман! — рявкнул Сергей.

— Меня здесь нет.

У Галины дрогнули губы. Сергей закончил осмотр и вновь взял ружьё.

— Дальше идёшь прямо до второго этажа. Ни к кому не подходишь. Ничего не трогаешь. Если скажу остановиться — останавливаешься.

Денис посмотрел на оружие.

— Эту часть я понял.

Галина поднялась на второй этаж. Сергей окликнул её

прежде, чем она успела открыть квартиру.

— Подождите.

Она обернулась.

— Что ещё?

— Сначала посадим его на площадке. Решим, как безопаснее: закрыть в отдельной комнате, что убрать из квартиры, как передавать воду. Не надо делать следующий шаг на эмоциях.

Галина несколько секунд смотрела на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.